

придают опубликованные в нем документы о Гиммлере из коллекции ЦА ФСБ России.

В заключительной главе книги “Приговор, которого не было” автор анализирует преступный характер деятельности Гиммлера – проводившуюся им политику массовых убийств, использования рабского труда, геноцида евреев и уничтожения других народов – как если бы его судили в качестве военного преступника. вывод очевиден: “Если Генрих Гиммлер вместе с другими нацистами, военными преступниками, предстал бы перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, суд признал бы его

виновным по всем разделам обвинительного заключения. Мера наказания: смертная казнь через повешение” (с. 211).

Книга легко читается, снабжена иллюстративным материалом. Работа представляет интерес не только для преподавателей и студентов, учителей средних школ и старшеклассников, но и для всех, кто интересуется историей новейшего времени.

Р.В. Долгилевич,
кандидат исторических наук,
профессор Московского института государственного и корпоративного управления

Н. Барон. КОРОЛЬ КАРЕЛИИ. ПОЛКОВНИК Ф.Дж. ВУДС И БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1919 гг.: ИСТОРИЯ И МЕМУАРЫ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013, 346 с.

Книга доктора философии, доцента Ноттингемского университета Ника Барона посвящена исследованию жизни и деятельности полковника Ф.Дж. Вудса (1880–1961) – участника англо-бурской и Первой мировой войн, а также британской интервенции в Северной России в 1918–1919 гг.¹ Она дополнена ценным и интересным “Карельским дневником” Вудса, найденным автором в архиве Имперского военного музея в Лондоне.

Филипп Джеймс Вудс родился в протестантском районе Белфаста в Северной Ирландии и с юности узнал, что такое борьба за сохранение империи. История его семьи, которую можно проследить от норманнского завоевания Англии в 1066 г., способствовала закреплению в сознании мальчика идеи о необходимости защищать завоевания предков, чтобы не предать их память (с. 178–179). Поэтому оценка автором Вудса как “империалиста”, представляется справедливой. В то же время Барон пишет: “Однако для него империя не была абсолютным и универсальным правом великих или богатых наций. Для него главным всегда оставался британский имперский идеал, согласно которому моральный долг был превыше презренной прибыли или политики грубой силы, и этому идеалу Вудс оставался верен даже тогда, когда... он утратил уважение к политикам или бюрократам, управлявшим территориями и народами Британской империи” (с. 175).

Семья Вудсов зарабатывала достаточно, хотя и не была состоятельной, и это позволило

мальчику получить аристократическое воспитание в одной из самых престижных школ Белфаста. Но по происхождению он был связан с сельским дворянством Уэльса и Ирландии (со стороны матери) и с конторскими служащими Белфаста (со стороны отца), поэтому аристократы считали его чужаком. “В зрелом возрасте он всегда испытывал глубокую симпатию по отношению к униженным и оскорбленным, что позже выразилось в приверженности идеям социальной справедливости и в подчеркнутой враждебности по отношению к правящей элите” (с. 182). Все это вместе, вкупе с повышенной чувствительностью Вудса, его склонностью к искусству (т.е. к рефлексии и самовыражению в творчестве) и воинственной принципиальностью, предопределило то, что он был “носителем имперской идеологии в ее самой противоречивой форме” (с. 221).

Следуя традиции семейного бизнеса, Вудс после окончания школы стал работать текстильным дизайнером. Он, в частности, делал эскизы вышивок на скатертях и простынях, которыми снабдили печально знаменитый океанский суперлайнер “Титаник”, построенный на верфях Белфаста (с. 183). Однако, когда в 1899 г. началась англо-бурская война, он, не раздумывая, бросил свое мирное занятие и записался на службу в Южноафриканскую полицию, возглавляемую генерал-майором Р. Баден-Пауэллом – впоследствии основателем бойскаутского движения (с. 185–186). Не отрицая того, что участие в войне в Южной Африке было для 17-летнего юноши увлекательным, хотя и опасным приключением, Барон обращает внимание читателей на проявившееся уже тогда стремление Вудса защищать слабых и обиженных. Напомню, в Англии в то

¹ Английское издание книги: *Baron N. The King of Karelia. Col. P.J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir.* London: Francis Boutle Publishers, 2007.

время активно распространялась информация о жестокости буров по отношению к местному негритянскому населению. Это в значительной степени соответствовало истине.

Барон отмечает, что в Южной Африке Вудс стал убежденным империалистом, но империалистом с понятиями о чести джентльмена и ответственности за тех, “кого он приручил”. Менталитет и поведение прагматика, колонизатора и культуртрегера Вудс спустя 15 лет проявит и по отношению к населению Карелии (с. 189).

В 1903 г. Вудс вернулся в Белфаст и снова занялся карьерой успешного текстильного дизайнера. В 1907 г. он женился на Флоренс Квин – старшей дочери владельца и директора крупной бухгалтерской фирмы. “Ветренный мальчик” превратился в “серьезного мужа” (с. 191). Однако судьба не дала ему возможности долго пребывать в покое. Как раз в это время в Ирландии разгорелась яростная борьба между сторонниками независимости острова (националистами) и сторонниками сохранения англо-ирландской унии 1801 г. (юнионистами). В марте 1905 г. был основан Ольстерский юнионистский союз, руководители которого в ответ на приход к власти в Лондоне в 1906 г. либералов, склонных предоставить Ирландии самоуправление (гомруль), создали свои военизированные отряды – Добровольческие силы Ольстера. Вудс, по его собственному признанию, “заинтересовался деятельностью Добровольческих сил Ольстера и принял немаловажное участие в последовавшем ввозе оружия” в Ирландию. Он, видимо, сам собирался воевать против националистов. Но после начала Первой мировой войны большинство членов Добровольческих сил Ольстера вступили в армию и отправились на континент сражаться с немцами. Юнионизм Вудса “приведет его в кровавые окопы Северной Франции, в не менее яростную гражданскую войну в революционной постимперской Восточной Европе, а потом в жаркую популистскую политику новой парламентской системы” Ольстера (с. 193, 194).

Во время Первой мировой войны Вудс прошел путь от лейтенанта до полковника. Он отличился на фронте как храбрый офицер и был награжден орденом “За безупречную службу”. Но отношения с другими офицерами и с солдатами, которыми он командовал, у него не сложились. «Возможно, коллеги Вудса не приняли его с социальной точки зрения. Большинство из них были бывшими офицерами регулярной армии или выходцами из деловых и профессиональных кругов и принадлежали к верхней прослойке среднего класса Белфаста... Такие люди должны были воспринимать Вудса как выскочку, чуждого их кругу, из непонятных

слоев общества и с подозрительно демократичными взглядами... С другой стороны, рядовые могли испытывать неприязнь к тому, что они считали замашками на аристократичность... [поскольку] в этот период войны большинство офицеров все еще были “джентльменами” по социальному происхождению» (с. 203). Вудс в ответ демонстрировал открытое презрение к недоброжелателям, не стесняясь использовать свою власть над ними. В итоге в начале августа 1917 г. его вынудили сдать командование и вернуться в Белфаст. Всю первую половину 1918 г. он провел в Ирландии и Англии, будучи офицером запасных частей, пока, наконец, военное министерство, по ходатайству его бывшего командира бригадного генерала Ф.П. Крозье, не отправило Вудса и еще нескольких офицеров с секретной миссией в Северную Россию.

Пребыванию Вудса в Карелии в 1918–1919 гг. и истории его командования набранным из местных уроженцев Карельским полком (впоследствии получившим название Королевский Ирландский Карельский полк по цвету своего значка – медного трилистника на зеленом фоне) и посвящены опубликованные в книге мемуары (с. 21–168). Они являются ценным документом по истории не только пребывания британских войск в Северной России в годы Гражданской войны, но и российско-британских контактов, а также социальных связей народов двух стран. Дневник написан очень увлекательно, невольно на ум приходит сравнение с рассказами А. Конан Дойла, и полностью подтверждает оценку Бароном своего героя как “нетипичного империалиста”. Если начальники Вудса (британские генералы Ч.М. Мейнард и Дж.Д. Прайсе) обращались с русскими “как со старшими школьниками”, а с карелами – “как с испорченными школьниками младшего возраста” (с. 237), то Вудс демонстрирует к ним совершенно другое отношение. По его описанию, образованные русские имеют все пороки цивилизованных европейцев. Они интригуют, враждуют друг с другом, слезливо-сентиментальны (судя по пьесам их домашних театров), расчетливо-жестоки, когда это им необходимо. Русские священнослужители (например, архимандрит Соловецкого монастыря Вениамин (Кононов), поразивший Вудса “необычайным личным магнетизмом”, с. 70) обладают большим запасом знаний и умеют поддерживать светскую беседу. Прихожане религиозны, хотя и не стесняются использовать присутствие на богослужениях в личных целях (с. 94–95). Карелы, напротив, дики и нецивилизованны. Они ведут себя как дети. У них абсолютно нет интриг, они никого не обманывают, всегда искренни, даже в своей звериной жестокости, проявляющейся по отношению к пленным финнам.

Религиозные чувства карелов по-детски чисты и наивны. Вудс опасается русских и всем сердцем сочувствует карелам, тем более что он предполагает после окончания войны вести в Карелию выгодную торговлю мехами. Недаром генерал Мейнард в письме к своему подчиненному от 29 августа 1918 г. иронически назвал его “королем Карелии” (с. 311). Барон, избравший эти слова в качестве заголовка своей книги, не исключает, что “Вудс сыграл более активную и конструктивную роль в развитии карельского националистического движения” (с. 240), чем можно было предполагать.

Экспедиция британских войск в Северную Россию, по оценке Вудса, закончилась в 1919 г. “совершенно неудовлетворительно”. Покидая Кемь, он попросил карельских лидеров помочь русским, оказывавшим британцам поддержку, “пробраться через Карелию в Финляндию в том случае, если побег из России останется для них единственным выходом. Карелы пообещали сделать все, что будет в их силах” (с. 165). Он и впоследствии пытался помогать тем знакомым ему русским беженцам, которые оказались в эмиграции в бедственном положении (с. 167–168). Все эти факты доказывают, что Вудс в своем отношении к российским подданным (как русским, так и карелам) руководствовался прежде всего собственным пониманием того, что полезно Британской империи, а также принципами личной чести джентльмена. Иначе мы не поймем, почему он, единственный из высокопоставленных британских военных, поддержал обращение карелов к английскому королю Георгу V с просьбой принять их под протекторат Великобритании (с. 234, 239–240).

Заканчивать любую рецензию принято указанием на недостатки книги. Здесь я оказываюсь в трудном положении: какие замечания можно сделать автору, нашедшему и опубликованному неизвестные ранее ученым мемуары и вернувшему из небытия такую интересную личность, как полковник Вудс? Но все же отмечу, что, на мой взгляд, осталось не до конца исследованным автором.

Я полагаю, что Н. Барон недооценивает роль военной дисциплины в жизни и деятельности Вудса после возвращения в Белфаст весной 1920 г. и демобилизации из армии. Во время участия в выборах в парламент Северной Ирландии и в парламент Великобритании в 1920-х годах он мог бороться со “старой бандой” политиков, яростно клеймить ее изо всех сил, даже симпатизировать нарождающемуся британскому фашистскому движению, но в случае возникновения прямой опасности для

его страны старый служака без всяких условий вставал в ряды защитников отечества. Он готов был беспрекословно выполнять приказы “старой банды” ради сохранения империи.

В книге Барона приводится свидетельство генерал-лейтенанта В.В. Марушевского (командующего войсками Северной области с ноября 1918 по август 1919 г.) о “сынах гордого Альбиона”, которые “не могли себе представить русских иначе, чем в виде маленького, дикого племени индусов или малайцев, что ли” (с. 241). В мемуарах Марушевский пренебрежительно отзывается о профессиональном уровне Северного экспедиционного корпуса: “Сознанием своего великопия также страдали и все те приказчики из петроградских магазинов и мелкие служащие петроградского стеаринового завода или нитяной мануфактуры, из которых британское военное министерство понаделало капитанов, майоров и даже полковников и богато снабдило ими Северный экспедиционный корпус. Вся эта мелкота как будто отплачивала русской интеллигенции за годы своего прозябания до войны на скромных должностях своих фабрик”². Приведенная в книге полностью, эта цитата показала бы читателю истинное отношение русских офицеров к британским коллегам военного времени. Трагическое непонимание не способствовало единению антибольшевистских сил Северной России.

Хочу указать составителям русского издания монографии Н. Барона на неудачное размещение в начале книги дневника Вудса, а после – исследования о его жизни. Приведенный в “Предисловии переводчика” А. Голубева аргумент о том, что “для российского, и особенно карельского, читателя гораздо больший интерес представляют собственно мемуары Вудса” (с. 17) кажется мне необубедительным. При сохранении порядка публикации англоязычного издания текст мемуаров был бы логично поставлен в контекст событий эпохи.

В заключение отмечу, что кропотливая архивная и исследовательская работа Н. Барона позволила ему написать увлекательную книгу, подарив “вторую жизнь” необычному человеку – полковнику Филиппу Вудсу.

А.А. Орлов,
доктор исторических наук,
профессор кафедры зарубежной истории
МГГУ им. М.А. Шолохова

² *Марушевский В.В.* Белые в Архангельске. – Гражданская война в России: война на Севере. М. – СПб., 2004, с. 33.